

Материалы к занятию И.Н.Евлампиевой «Повтор как организующее начало композиции»

В.Шукшин «Мастер»

Жил-был в селе Чебровка Семка Рысь, забулдыга, но непревзойденный столяр. Длинный, худой, носатый - совсем не богатырь на вид. Но вот Семка снимает рубаху, остается в одной майке, выгоревшей на солнце... И тогда-то, когда он, поигрывая топориком, весело лает с бригадиром, тогда-то видна вся устрашающая сила и мощь Семки. Она - в руках... Руки у Семки не комкастые, не бугристые, они ровные от плеча до кисти, толстые, словно литые. Красивые руки. Топорик в них - игрушечный. Кажется, не зная таким рукам усталости, и Семка так, для куража, орет:

- Что мы тебе, машины? Тогда иди заведи меня - я заглох. Но подходи осторожней - лягаюсь!

Семка не злой человек. Но ему, как он говорит, "остолбенело все на свете", и он транжирит свои "лошадиные силы" на что угодно: поорать, позубоскалить, нашкодить где-нибудь, - милое дело. Временами он крепко пьет. Правда, полтора года в рот не брал, потом заскучал и снова стал поддавать.

- Зачем же, Семка? - спрашивали.

- Затем, что так - хоть какой-то смысл есть, Я вот нарежусь, так? И неделю хожу - вроде виноватый перед вами. Меня не тянет как-нибудь насолить вам, я тогда лучше про вас про всех думаю. Думаю, что вы лучше меня. А вот не пил полтора года, так посмотрелся на вас... Тьфу! И потом: я же не валяюсь каждый день под бочкой.

Пьяным он безобразен не бывал, не оскорблял жену - просто не замечал ее.

- Погоди, Семка, на запой наладишься, - страшали его. - Они все так, запойники-то: месяц не пьют, два, три, а потом все до нитки с себя спускают. Дождешься.

- Ну так, ладно, - рассуждал Семка, - я пью, вы - нет. Что вы такого особенного сделали, что вам честь и хвала? Работаю я наравне с вами, дети у меня обуты-одеты, я не ворую, как некоторые...

- У тебя же золотые руки! Ты бы мог знаешь как жить!.. Ты бы как сыр в масле катался, если бы не пил-то.

- А я не хочу как сыр в масле. Склизко.

Он, правда, из дома ничего не пропивал, всю зарплату отдавал семье. Пил на то, что зарабатывал слева. Он мог такой шкаф "изладить", что у людей глаза разбегались. Приезжали издалека, просили сделать, платили большие деньги. Его даже писатель один, который отдыхал летом в Чебровке, возил с собой в областной центр, и он ему там оборудовал кабинет... Кабинет они оба додумались "подогнать" под деревенскую избу (писатель был из деревни, тосковал по родному).

- Во, дурные деньги-то! - изумлялись односельчане, когда Семка рассказывал, какую они избу уделали в современном городском доме. - Шешнадцатый век!

- На паркет настелили плах, обстругали их, и все - даже не покрасили. Стол - тоже из досок сколотили, вдоль стен - лавки, в углу - лежак. На лежаке никаких матрасов, никаких одеял... Лежит кошма и тулуп, и все. Потолок паяльной лампой закоптили - вроде по-черному топится. Стены горбылем обшили... Шешнадцатый век, - задумчиво говорил Семка. - Он мне рисунки показывал, я все по рисункам делал.

Когда Семка жил у писателя в городе, он не пил, читал разные книги про старину, рассматривал старые иконы, прялки... Этого добра у писателя было навалом.

В то же лето, как побывал Семка в городе, он стал приглядываться к церковке, которая стояла в деревне Талице, что в трех верстах от Чебровки. Церковка была закрыта давно. Каменная, небольшая, она открывалась взору вдруг, сразу за откосом, который огибала дорога в Талицу... По каким-то соображениям те давние люди не поставили ее на возвышении, как принято, а поставили внизу, под откосом. Еще с детства помнил Семка, что если идешь в Талицу и задумаешься, то на повороте, у косогора, вздрогнешь - внезапно увидишь церковь, белую, изящную, легкую среди тяжелой зелени тополей.

В Чебровке тоже была церковь, но явно позднего времени, большая, с высокой колокольней. Она тоже давно была закрыта и дала в стене трещину. Казалось бы - две церкви, одна большая, на возвышении, другая спряталась где-то под косогором, - какая должна выиграть, если сравнить? Выигрывала маленькая, под косогором. Она всем брала: и что легкая, и что открывалась глазам внезапно... Чебровскую видно было за пять километров кругом - на то и рассчитывали строители. Талицкую как будто нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шел к ней, она являлась вся, сразу.

Как-то в выходной день Семка пошел опять к талицкой церкви. Сел на косогор, стал внимательно смотреть на нее. Тишина и покой кругом. Тихо в деревне. И стоит в зелени белая красавица - столько лет стоит! - молчит. Много-много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали ее дожди, заносили снега... Но вот - стоит. Кому на радость? Давно уж истлели в земле строители ее, давно стала прахом та умная голова, что задумала ее такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли. О чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величил или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирался далеко, тот норovit поближе к большим дорогам или вовсе на людную городскую площадь - там заметят. Этого заботило что-то другое - красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа. Милый, дорогой человек!.. Не знаешь, что и сказать тебе - туда, в твою черную жуткую тьму небытия, - не услышишь. Да и что тут скажешь? Ну - хорошо, красиво, волнует, радует... Разве в этом дело? Он и сам радовался, и волновался, и понимал, что - красиво. Что?.. Ничего. Умеешь радоваться - радуйся, умеешь радовать - радуй... Не умеешь - войей, командуй или что-нибудь такое делай - можно разрушить вот эту сказку: подложить пару килограммов динамита - дроболызнет, и все дела. Каждому свое.

Смотрел, смотрел Семка и заметил: четыре камня вверху, под карнизом, не такие, как все, - блестят. Подошел поближе, всмотрелся - да, тот мастер хотел, видно, отшлифовать всю стену. А стена - восточная, и если бы он довел работу до конца, то при восходе солнца (оно встает из-за косогора) церковка в ясные дни загоралась бы с верхней маковки и постепенно занималась бы светлым огнем вся, во всю стену - от креста до фундамента. И он начал эту работу, но почему-то бросил, - может, тот, кто заказывал и давал деньги, сказал: "Ладно, и так сойдет".

Семка больше того заволновался - захотел понять, как шлифовались камни. Наверно, так: сперва грубым песком, потом песочком помельче, потом - сукном или кожей. Большая работа.

В церковь можно было проникнуть через подвал - это Семка знал с детства, не раз лазил туда с ребятней. Ход в подвал, некогда закрываемый створчатой дверью (дверь давно унесли), полуобвалился, зарос бурьяном... Семка с трудом протиснулся в щель и - где на червереньках, где согнувшись в три погибели - вошел в придел. Просторно, гулко в церкви... Легкий ветерок чуть шевелил отставший, вислый лист железа на маковке, и шорох тот, едва слышный на улице, здесь звучал громко, тревожно. Лучи света из окон рассекали затененную пустоту церкви золотыми широкими мечами.

Только теперь, обеспокоенный красотой и тайной, оглядевшись, обнаружил Семка, что между стенами и полом не прямой угол, а строгое, правильное закругление желобом внутрь. Попросту, внизу вдоль стен идет каменный прикладок - примерно в метре от стены у основания и в рост человеческого высотой. Наверху он аккуратно сводится на нет со стеной. Для чего - он, Семка, сперва не сообразил. Отметил только, что камни прикладка, хорошо отесанные и пригнанные друг к другу, внизу - темные, потом - выше - светлеют и вовсе сливаются с белой стеной. В самом верху купол, выложен из какого-то особенного камня, и он еще, наверно, шлифован - так светло, празднично там, под куполом. А всего-то четыре узких оконца...

Семка сел на приступку, стал думать: зачем этот каменный прикладок? И объяснил себе так: мастер убрал прямые углы - разрушил квадрат. Так как церковка маленькая, то надо было создать ощущение свободы внутри, а ничто так не угнетает, не теснит душу, как клетка - квадрат. Он поэтому внизу положил камни потемней, а по мере того как поднимал прикладок и выравнивал его со стеной, высветлял: стены, таким образом, как бы отодвинулись.

Семка сидел в церкви, пока пятно света на каменном полу не подкралось к его ногам. Он вылез из церкви и пошел домой.

На другой день Семка, сказавшись больным, не пошел на работу, а поехал в райгородок, где была действующая церковь. Батюшку он нашел дома, неподалеку от церкви. Батюшка отослал сына, с которым учил географию, и сказал просто:

- Слушаю.

Темные, живые, даже с каким-то озорным блеском глаза нестарого еще попа смотрели на Семку прямо, твердо - он ждал.

- Ты знаешь талицкую церковь? - Семка почему-то решил, что с писателями и попами надо говорить на "ты". - Талица, Чебровского района.

- Талицкую?... Чебровский район... Маленькая такая?

- Ну.

- Знаю.

- Какого она века?

Поп задумался.

- Какого? Боюсь, не соврать бы... Думаю, при Алексее Михайловиче еще... Сынок-то его не очень баловал народ храмами. Семнадцатый век, вторая половина, А что?

- Красота-то какая!.. - воскликнул Семка. - Как же вы так?

Поп усмехнулся:

- Слава богу, хоть стоит пока. Красивая, да. Давно не видел ее, но помню. Внизу, кажется?

- А кто делал, неизвестно?

- Это надо у митрополита узнать. Этого я не могу сказать.

- Но ведь у вас же есть деньги! Есть ведь?

- Ну, допустим.

- Да не допустим, а есть. Вы же от государства отдельно теперь...

- Ты это к чему?

- Отремонтируйте ее - это же чудо! Я возьмусь отремонтировать. За лето сделаю. Двух-трех помощников мне - до холодов сделаем...

- Я, дорогой мой, такие вопросы не решаю. У меня тоже есть начальство... Сходи к митрополиту! - Поп сам тоже заинтересовался. - Сходи, а чего! Ты веруешь ли?

- Да не в этом дело. Я, как все. Мне жалко - такая красота пропадает. Ведь сейчас же восстанавливают...

- Восстанавливает государство.

- Но у вас же тоже есть деньги!

- Ты сходи, сходи к митрополиту-то,

- А где он? Здесь разве?

- Нет, ехать надо.

- В область?

- В область.

- У меня с собой денег нет. Я только до тебя ехал.

- А я дам, ты откуда будешь-то?

- Из Чебровки, столяр, Семен Рысь...

- Вот, Семен, съезди-ка! Он у нас человек... умница... Расскажи ему все. Ты от себя только?

- Как "от себя"? - не понял Семка,

- Сам ко мне-то, или выбрали да послали?

- Сам.

- Ну все равно - съезди! А пока будешь ехать, я ему позвоню - он уже будет знать, что к нему, примет тебя.

Семен подумал немного.

- Давай! Я потом тебе вышло.

- Потом договоримся. От митрополита заехай снова ко мне, расскажешь.

Митрополит, крупный, седой старик, с неожиданно тоненьким голоском, принял Семку радушно.

- Звонил мне отец Герасим... Ну, расскажи, расскажи, как тебя надоумило храм ремонтировать?

Семка отхлебнул из красивой чашки горячего чая.

- Да как?.. Никак. Смотрю - красота. А никому не нужна!..

Митрополит усмехнулся:

- Красивая церковь, я ее знаю. При Алексее Михайловиче, да. Кто архитектор, пока не знаю... Можно узнать. А земли были бояр Борятинских... Тебе зачем мастера-то знать?

- Да так, интересно. С большой выдумкой человек,

- Мастер большой, потом выясним кто. Ясно, что он знал владимирские храмы, московские...

- Ведь до чего додумался!.. - И Семка стал рассказывать, как ему удалось разгадать тайну старинного мастера.

Митрополит слушал, кивал головой, иногда говорил: "Ишь ты!" А попутно Семка выкладывал и свои соображения: стену ту, восточную, отшлифовать, как и хотел мастер, маковки обшить и позолотить и в верхние окна вставить цветные стекла - тогда под куполом будет такое сияние, такое сияние!.. Мастер туда подобрал какой-то особенный камень, наверно с примесью слюды... И если еще оранжевые стекла всадить...

- Все хорошо, все хорошо, сын мой, - перебил митрополит. - Вот скажи мне сейчас: разрешаем вам ремонтировать талицкую церковь. Назовите, кому вы поручаете это сделать. Я, не моргнув глазом, называю: Семен Рысь, столяр из Чебровки. Только... не разрешат мне ее ремонтировать, вот какое дело, сын мой. Грустное дело.

- Почему?

- Я тоже спрошу: "Почему?" А они меня спросят: "А зачем?" Сколько дворов в Талице? Это уже я спрашиваю...

- Да в Талице-то мало...

- Дело даже не в этом. Какая же это будет борьба с религией, если они начнут новые приходы открывать? Ты подумай-ка.

- Да не надо в ней молиться! Есть же всякие музеи...

- Вот музей-то - как раз дело государственное, не наше.

- И как же теперь?

- Я подсказу как. Напишите миром бумагу: так, мол, и так - есть в Талице церковь в запустении. Нам она представляется ценной не с точки зрения религии...

- Не написать нам сроду такой бумаги. Ты сам напиши,

- Я не могу. Найдите, кто сумеет написать. А то и сами, своими словами... даже лучше.

- Я знаю! У меня есть такой человек! - Семка вспомнил про писателя.

- И с той бумагой - к властям. В облисполком. А уж они решат. Откажут - пишите в Москву... Но раньше в Москву не пишите, дождитесь, пока здесь откажут. Оттуда могут прислать комиссию...

- Она бы людей радовала-стояла!

- Таков мой совет. А что говорил с нами, про то не пишите. И не говори нигде. Это только испортит дело. Прощай, сын мой. Дай бог удачи.

Семка, когда уходил от митрополита, отметил, что живет митрополит - дай бог! Домина - комнат, наверно, из восьми... Во дворе "Волга" стоит. Это неприятно удивило Семку. И он решил, что действительно лучше, пожалуй, иметь дело с властями. Эти попы темнят чего-то... И хочется им, и колетяся, и мамка не велит.

Но сперва Семка решил сходить к писателю. Нашел его дом... Писателя дома не было.

- Нет его, - резковато сказала Семке молодая полная женщина. И захлопнула дверь. Когда он отделявал здесь "избу XVI века", он что-то не видел этой женщины. Ему страсть как захотелось посмотреть "избу". Он позвонил еще раз.

- Я сама! - услышал он за дверью голос женщины. И дверь опять открылась...

- Ну? Что еще?

- Знаете, я тут отделявал кабинет Николая Ефимыча... охота глянуть...

- Боже мой! - негромко воскликнула женщина. И закрыла дверь. "По-моему, он дома, - догадался Семка. - И по-моему, у них идет крупный разговор".

Он немного подождал в надежде, что женщина проговорится в сердцах: "Какой-то идиот, который отделявал твой кабинет", и писатель, может быть, выйдет сам. Писатель не вышел. Наверно, его правда не было.

Семка пошел в облисполком.

К председателю облисполкома он попал сразу и довольно странно. Вошел в приемную, секретарша накинулась на него:

- Почему же опаздываете?! То обижаются - не принимают, а то самих не дожدهшься. Где остальные?

- Там, - сказал Семка, - идут.

- Идут. - Секретарша вошла в кабинет, побыла там короткое время, вышла и сказала сердито: - Проходите.

Семка прошел в кабинет... Председатель пошел ему навстречу - здороваться.

- А шуму-то наделали, шуму-то! - сказал он хоть с улыбкой, но и с укоризной тоже. - Шумим, братцы, шумим? Здравствуйтесь!

- Я насчет церкви, - сказал Семка, пожимая руку председателя. - Она меня перепутала, ваша помощница. Я один... насчет церкви...

- Какой церкви?

- У нас, не у нас, в Талице есть церковь семнадцатого века. Красавица необыкновенная! Если бы ее отремонтировать, она бы... Не молиться, нет! Она ценная не с религиозной точки. Если бы мне дали трех мужиков, я бы ее до холодов сделал. - Семка торопился, потому что не выносил, когда на него смотрят с недоумением. Он всегда нервничал при этом.

- Я говорю, есть в деревне Талице церковь, - стал он говорить медленно, но уже раздражаясь. - Ее необходимо

отремонтировать, она в запустении. Это - гордость русского народа, а на нее все махнули рукой. А отремонтировать, она будет стоять еще триста лет и радовать глаз и душу.

- Мгм, - сказал председатель. - Сейчас разберемся. - Он нажал кнопку на столе. В дверь заглянула секретарша. - Попросите сюда Завадского. Значит, есть у вас в деревне старая церковь, она показалась вам интересной как архитектурный памятник семнадцатого века. Так?

- Совершенно точно! Главное, не так уж много там и делов-то: перебрать маковки, кое-где поддержать камни, может, растягу вмонтировать - повыше, крестом...

- Сейчас, сейчас... у нас есть товарищ, который как раз этим делом занимается. Вот он.

В кабинет вошел молодой еще мужчина, красивый, с волнистой черной шевелюрой на голове и с ямочкой на подбородке.

- Игорь Александрович, займитесь, пожалуйста, с товарищем - по вашей части.

- Пойдемте, - радушно предложил Игорь Александрович.

Они пошли по длинному коридору, Игорь Александрович впереди, Семка сзади на полшага.

- Я сам из Талицы, а точнее из Чебровки, Талица от нас...

- Сейчас, сейчас, - покивал головой Игорь Александрович, не оборачиваясь. - Сейчас во всем разберемся.

"Здесь, вообще-то, время зря не теряют", - подумал Семка.

Вошли в кабинет... Кабинет победней, чем у председателя, - просто комната, стол, стул, чертежи на стенах, полка с книгами.

- Ну? - сказал Игорь Александрович. И улыбнулся. - Садитесь и спокойно все расскажите.

Семка начал все подробно рассказывать. Пока он рассказывал, Игорь Александрович, слушая его, нашел на книжной полке какую-то папку, полистал, отыскал нужное и, придерживая ладонью, чтобы папка не закрылась, стал заметно проявлять нетерпение. Семка заметил это.

- Все? - спросил Игорь Александрович.

- Пока все.

- Ну, слушайте. Талицкая церковь Н-ской области Чебровского района, - стал читать Игорь Александрович. - Так называемая - на крови. Предположительно семидесятые - девяностые годы семнадцатого века. Кто-то из князей Борятинских погиб в Талице от руки недруга... - Игорь Александрович поднял глаза от бумаги, высказал предположение: - Возможно, передрались пьяные братья или кумовья. И так, значит... погиб от руки недруга, и на том месте поставлена церковь. Архитектор неизвестен. Как памятник архитектуры ценности не представляет, так как ничего нового для своего времени, каких-то неожиданных решений или поиска таковых автор здесь не выказал. Более или менее точная копия владимирских храмов. Останавливают внимание размеры церкви, но и они продиктованы соображениями не архитектурными, а, очевидно, материальными возможностями заказчика. Перестала действовать в тысяча девятьсот двадцать пятом году.

- Вы ее видели? - спросил Семка.

- Видел. Это, - Игорь Александрович показал страничку казенного письма в папке, - ответ на мой запрос. Я тоже, как вы, обманулся...

- А внутри были?

- Был, как же. Даже специалистов наших областных возил...

- Спокойно! - зловеще сказал Семка. - Что сказали специалисты? Про прикладок...

- Вдоль стен? Там, видите, какое дело: Борятинские увлекались захоронениями в своем храме и основательно раздолбали фундамент. Церковь, если вы заметили, слегка покосилась на один бок. Какой-то из поздних потомков их рода прекратил это. Сделали вот такой прикладок... Там, если обратили внимание, - надписи на прикладке - в тех местах, где внизу захоронения.

Семка Рысь чувствовал себя полностью обескураженным.

- Но красота-то какая! - попытался он упорствовать.

- Красивая, да. - Игорь Александрович легко поднялся, взял с полки книгу, показал фотографию храма. - Похоже?

- Похоже...

- Это владимирский храм Покрова. Двенадцатый век. Не бывали во Владимире?

- Я што-то не верю... - Семка кивнул на казенную бумагу. - По-моему, они вам втерли очки, эти ваши специалисты, Я буду писать в Москву.

- Так это и есть ответ из Москвы. Я почему обманулся: думал, что она тоже двенадцатого века... Я думал, кто-то самостоятельно - сам по себе, может быть, понаслышке, - повторил владимирцев. Но чудес не бывает. Вас что, сельсовет послал?

- Да нет, я сам... Надо же! Ну, допустим - копия. Ну и что? Красоты-то от этого не убавилось.

- Ну, это уже не то... А главное, денег никто не даст на ремонт.

- Не дадут?

- Нет.

Домой Семен выехал в тот же день. В райгородок прибыл еще засветло. И только здесь, на станции, вспомнил, что не пил дней пять уже. Пошел к ларьку... Обидно было и досадно. Как если бы случилось так: по деревне вели невиданной красоты девку... Все на нее показывали пальцем и кричали несурзное. А он, Семка, вступился за нее, и обиженная красавица посмотрела на него с благодарностью. Но тут некие мудрые люди отвели его в сторону и разобяснили, что девка та - такая-то растакая, что жалеть ее нельзя, что... И Семка сник головой. Все вроде понял, а в глаза поруганной красавице взглянуть нет сил - совестно. И Семка, все эти последние дни сильно загребавший против течения, махнул рукой... И его вынесло к ларьку. Он взял на поповские деньги "полкилограмма" водки, тут же осаденил, закусил буженинкой и пошел к отцу Герасиму.

Отец Герасим был в церкви на службе. Семка отдал его домашним деньги, какие еще оставались, оставил себе на билет и на бутылку красного, сказал, что долг вышлет по почте... И поехал домой.

С тех пор он про талицкую церковь не заикался, никогда не ходил к ней, а если случалось ехать талицкой дорогой, он у косогора поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, зло курил и молчал. Люди заметили это, и никто не решался

заговорить с ним в это время. И зачем он ездил в область, и куда там ходил, тоже не спрашивали. Раз молчит, значит, не хочет говорить об этом, значит, зачем же бередить душу расспросами.

Завеса мутная дождя
Заволокла лесные дали.
Кромсая мрак и бороздя,
На землю молнии слетали!

И туча шла, гора горой!
Кричал пастух, металось стадо,
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято.

Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

И все раскалывалась высь,
Плач раздавался колыбельный,
И стрелы молний все неслись
В простор тревожный, беспредельный.

В избе

Стоит изба, дымя трубой,
Живет в избе старик рябой,
Живет за окнами с резьбой
Старуха, гордая собой,
И крепко, крепко в свой предел -
Вдали от всех вселенских дел -
Вросла избушка за бугром
Со всем семейством и добром!
И только сын заводит речь,
Что не желает дом стеречь,
И все глядит за перевал,
Где он ни разу не бывал...

Шумит Катунь

В. Астафьеву

...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И все глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...

Катунь, Катунь – свирепая река!
Поет она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, –
Они топтали эти берега!

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И черный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...

Все поглотил столетний темный зев!
И все в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом –
Она не может успокоить гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные аилы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...
1966

Элегия (Отложу свою скудную пищу...)

Отложу свою скудную пищу.
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...
1964

Вислава Шимборская

Перспектива

Разминулись как чужие,
без жеста и слова,
она по дороге в лавку,
он к машине.

Может, в смятенье
или рассеянности,
или позабыв,
что какое-то время
любили друг друга до гроба.

К тому же нет гарантии,
что это были они.
Может, издали так,
а вблизи не совсем.

Я увидела их из окна,
а кто глядит сверху,
скорей всего ошибается.

Она исчезла за стеклянной дверью,
он сел за руль
и уехал.
То есть ничего не произошло,
даже если произошло.

А я, всего лишь мгновенье
уверенная, что видела,
пытаюсь в случайном стихотвореньице
убедить вас, Читателей,
что было это печально.